

ББК Ш83.3(2Рос=Рус)1
УДК 821.161.1.0

М. Д. Пономаренко
М. Ponomarenko
г. Алматы, КазНПУ им. Абая
Almaty, KNPU

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ФИЛОСОФСКОГО
СЛОВА В ПОЭЗИИ А. А. ФЕТА**
**INTERACTION OF LITERARY AND PHILOSOPHY WORDS IN A.A. FET'S
LYRICS**

Аннотация: В центре внимания данной статьи находится проблема продуктивного взаимодействия литературоведческого и философского знания как способ формирования гармонической, развивающейся, мыслящей личности.

Ключевые слова: литература; философия; взаимодействие; мыслящий человек; смысловая наполненность.

Abstract: In the spotlight of this article is placed the problem of productive interaction of literary and philosophy knowledge as a method of formation a harmonical, developing and cogitative personality.

Keywords: literature; philosophy; interaction; cogitative person; semantic content.

Художественное творчество представляет собой, прежде всего, интеллектуальный процесс. Он возникает и развивается в сознании отдельного индивида как продукт его собственного мышления, опыта осмысления действительности и (в меньшей степени) его практических заключений. Художественный образ, являющийся ключевым понятием в теории литературы, формируется автором во взаимосвязи с его личностным видением абстрактного и реального (окружающего его) бытия. Построение художественного произведения обнаруживает соотношение художественной образности и философского осмысления какой-либо онтологической проблемы посредством интеллектуальных процессов человеческого существа. В связи с этим литературное творчество и философия оказываются чрезвычайно близки, тесно переплетены набором общих задач, касающихся личностного развития.

Взаимодействие литературоведческой и философской парадигм развития современной гуманитарной науки позволит яснее определить перспективы развития и место человека в мире. Литературоведение и перечень явлений, изучаемых им, могут быть существенно обогащены, вступая во взаимодействие с философской парадигмой развития. Проблема философского содержания любого творческого феномена находится в активном взаимодействии с процессом формирования и развития человеческой личности, что, в свою очередь, становится одной из актуальных проблем современной литературоведческой и педагогической мысли.

Литература и философия являются важнейшими областями видения и понимания мира человеком. Они могут рассматриваться обособленно, раскрывая ряд специфических для каждой дисциплины задач, а могут вырабатывать общие, интегрированные задачи, направленные на понимание и интерпретацию окружающего бытия. Почему это представляется возможным? Художественное творчество выполняет в обществе воспитывающую, когнитивную, эпистемическую функции. Оно способствует нравственному совершенствованию личности, образуя ее духовно во многих аспектах. Философское знание также способствует духовному развитию современной личности, ибо сопоставление и рассмотрение бытийной проблематики учит индивида приемлемой нравственной, гуманистической позиции, т. е. таким же образом образует его духовно. Литература может оказывать воспитательное воздействие лишь в том случае, если её внутренний замысел направлен на постижение каких-либо сторон человеческого бытия, их осмысленный анализ и перспективную позицию, предупреждающую развитие девиаций, аморализационных процессов в воспитываемом обществе.

Художественно-образное мышление (являющееся основой литературоведческой парадигмы) становилось еще в античные времена превосходным способом выражения, перспективной подачи и всестороннего изучения бытийной проблематики. Б. Н. Бессонов замечает: «Литературы, как и философии не может не быть, пока живут люди. Литература, как и философия, это – царство духа... Литературы нет без апелляции к человеку, его духовности, его свободе. Как правило, все выдающиеся писатели и поэты были глубокими мыслителями... Сартр отмечает, что с юных лет мечтал, соединив философию с литературой, стать одновременно Спинозой и Стендалем...» [6, с. 6].

В этом смысле философский уровень переходит в некую качественно новую форму существования. Философия, которая является составной и, вместе с тем, ключевой частью литературного произведения, имеет существенное отличие от обособленной науки философии. Она уже не заставляет читателя придерживаться единственной точки зрения на какую-либо реалию окружающего мира. Она не требует веры в единый философский догмат. Но учит понимать бытие, видеть его с разных сторон, анализировать поступки и характеры людей, их духовный универсум. Философия в составе литературного произведения становится опорой этого произведения, нравственным кодом, определяющим воспитательным звеном.

Осмысление художественно-образной системы как факта постижения бытия и отображения его проблематики всегда происходит в духовном узусе конкретной личности. Только самостоятельное (не коллективное) мышление позволяет человеку воспитываться, развиваться, читая то или иное литературное произведение. Но в данном случае нам важен и авторский подход к произведению, так как современный литературный процесс изобилует различными формами псевдоискусства. Белорусский филолог А. Н. Андреев в своей работе «Философия литературы» [1] упоминает о важности масштабов личности автора: «Если глубина художественного содержания является характеристикой информационно-концептуальной, то наличие в произведении, где эстетические параметры приоритетны, духовной (неэстетической) программы является тем обязательным

условием, которое является прямым и непосредственным показателем глубины. Духовная программа, данная нам в ощущениях (эстетически отраженная и воспринятая), – вот святая святых произведения. Еще проще: все упирается в масштаб личности творца, которая (личность) задает масштаб художественного мира...» [1, с. 13].

Таким образом, художественный текст, несущий в себе когнитивную и эпистемическую функции, должен быть осмыслен в процессе его создания, затем в процессе чтения. Философия в составе творческого акта служит для литературоведения мощнейшей когнитивной базой, наполняя образы-символы необходимым вербализирующим бытие смыслом.

В читательской среде современного мира наблюдается мощнейший плюрализм интересов. Очевидно, что не каждая личность сумеет разглядеть в произведении глубинный смысловой подтекст, руководствуясь одними и теми же способами. Здесь важно помнить о масштабности, духовной значимости творческого акта, потому что «всегда бывает так, что один понимает и ценит одну замечательную его сторону, другой – иную. Но именно это и способствует тому, что влияние бессмертных произведений не утрачивает своей силы на протяжении столетий, несмотря на безостановочную смену интересов, ибо их почитают то в том, то в другом отношении, но никогда не могут исчерпать до конца» [7, с. 393–394].

Стереотипное представление о классике тех или иных жанров в русской литературе известно. Сосредоточено оно, скорее, вокруг художественной прозы, оставляя на периферии поэтическое творчество. Стихи часто становятся популярны и цитируемы в большей степени благодаря громкому имени их автора. На отдельно взятые стихотворные опыты известного прозаика мало кто считает нужным обратить внимание, хотя опыты эти и оказываются, порой, весьма удачны. И все же именно поэтические творческие акты отличаются специфическим набором черт, отражающих новое качество философии.

Таким образом, художественный текст обладает постоянной смысловой ценностью. Но поэзию часто могут отождествлять с литературной игрой, с ребячеством, не способным к полноценному воссозданию и хранению смыслов. Чувственно-образное мышление в поэзии для некоторых исследователей [1] представляется тормозящим философскую значимость фактором. В действительности же, поэзия даже в большей степени, нежели проза, обнаруживает способность мыслить и созидать. Средство, объединяющее и прозу, и поэзию, и философию, – язык, словесное выражение. В чем же заключается специфика поэзии, её языка? Ритмическая речь своеобразным способом гармонизирует действительность, обеспечивая единство мысли, ее словесного выражения, конкретно чувственного образа.

Неисследованное, метафизическое бытие, пребывающее в составе лирических произведений русской литературы, безусловно, может выглядеть отталкивающим, чуждым явлением. Но именно смысловая метафизика, заложенная в строфе, стихе, слове, помогает нам одухотворить образность и добиться полной гармонии формы и содержания. Вен. Ерофеев небезосновательно замечал: «Да знаете ли вы, сколько еще в мире тайн, какая пропасть неисследованного

и какой простор для тех, кого влекут к себе эти тайны!» [2, с. 152]. А. А. Фет относился именно к таким литературным мыслителям, желающим постичь бытие посредством поэзии, показать «мыслящее» искусство, не принимающее на веру шаблонных форм общественной жизни. Воплощая подобный замысел, следовало быть готовым к пародиям, порицанию, насмешкам. Ведь имел место конфликт между мнением большинства, никогда не любившего метафизическую неизвестность, и теоретика своей идеи, у которого в союзниках были только он сам и его решимость продолжить свое движение, развивая лирическое стихотворение в новом контексте, сохраняющем все же романтические традиции.

Одна из основных философско-художественных проблем в творчестве А. А. Фета – невыразимость. Связана она с метафизической сущностью человека, а также с процессом его мышления. А. Р. Лукинова обращает внимание на эту проблему в сравнении с поэзией ранних романтиков: «Сходство с романтиками можно найти в фетовских принципах обращения к тонким движениям души человека и полутонам чувств, уважения к личности, а также в признании ее значительности. Но в поэзии Фета эти принципы соединены со стремлением установить связи, происхождение и взаимозависимость различных явлений миропорядка, в том числе духовного строя человека, с миром природы...» [3, с. 38].

В стихотворении «Как мошки зарею...» от 11 августа 1844 г. получает право на существование мысль о специфической природе процессов, происходящих в духовной среде личности; о невозможности их трансформации в письменную и устную формы речи:

*Как мошки зарею,
Крылатые звуки толются;
С любимой мечтою
Не хочется сердцу расстаться [5, с. 177].*

Поэт получает в свое распоряжение некий мыслительный ряд, который посредством языка и неких реалий, позволяющих создать художественную образность (метафоризация, ирония и т. д.) приобретает вид стихотворного произведения. «Крылатые звуки» и есть в данном случае тот самый мыслительный ряд.

*Но цвет вдохновенья
Печален средь буднишних терний;
Былое стремленье
Далеко, как отблеск вечерний [5, с. 177].*

Вторая строфа созвучна с одной из ключевых философем А. Шопенгауэра. Немецкий философ утверждал: «Настоящей, живой жизнью мысль живет только до тех пор, пока она не перейдет границы, где начинаются слова... В самом деле, как только наша мысль нашла слова, она уже и не так глубоко задушевна, и не так глубоко правдива. Начиная существовать для других, она перестает жить в нас, подобно тому как ребенок, вступая в собственное существование, отделяется от матери» [3, с. 393]. «Былое стремление», т. е. былая жизнь мысли в сознании поэта представляется уже совершенно иной «средь буднишних терний».

*Но память былого
Всё крадется в сердце тревожно...
О, если б без слова
Сказаться душой было можно [5, с. 177]!*

А. А. Фет, как видим, расширяет и дополняет мысли А. Шопенгауэра поэтическим образом, синтезируя философское и литературное мироощущение. Мысль, отпущенная на свободу, частично остается в духовном мире поэта, но разрыв этот для него все же достаточно ощутим. Поэтому в бессильном восклицании, венчающем заключительную строфу, слышится попытка идеализировать действительность, прекратить использовать слова, научиться вести разговор на бессловесном, духовном уровне. Напомним, что основательный и всесторонний анализ имманентных характеристик литературного произведения в диалоге становится противоречив и непрочен [7, с. 7].

43 года спустя А. А. Фет, так и не разрешив проблемы невыразимости, в новом своем стихотворении восклицает:

*Как беден наш язык! – Хочу и не могу. –
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною [4, с. 251].*

Бедность языка определяет его неспособность верно и с максимальной точностью передать «крылатые звуки», которые возникают на духовном уровне личности А. А. Фета. К передаче оказывается не способен любой представитель человеческого рода, любого социального статуса, ведь каждый использует для выражения мысли язык. В стихотворении 1844 г. поэт указывает на то, что звуки-мысли «толпятся»; здесь же их воплощение «буйствует в груди», т. е. они всегда беспокойны, находятся в постоянном движении. Далее поэт демонстрирует их, пытаясь при помощи лингвистических средств донести до читателя если не точный, то максимально приближенный к буйствующему в груди «прозрачною волною» множеству мыслей:

*Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И тёмный бред души и трав неясный запах [4, с. 251].*

Здесь А. А. Фет в некотором смысле противоречит себе, соединяет абстрактное и конкретное. Рожденную в сознании мысль участник его лирического действия хватает (из чего следует, что она все же оказывается вне сознания) и закрепляет, т. е. формирует стихотворение (из чего следует, что «бедность» языка несколько преувеличена).

А. А. Фет, как мы помним, является последователем ранних романтиков, таким образом, перенимая их двоемирие. Вечное метание между реальным и духовным иррациональным бытием в русской романтической традиции неразрешимо. Поэтому и утверждается тезис о невыразимости в полной мере духовной культуры личности. Именно невыразимость помогает философии обрести для читателя новую форму выражения в литературном произведении и активизировать разнообразие смыслов.

Но проблема сегодня заключается даже не в неясной трактовке и выразительности чувственно-образного мышления. Современная проблема более масштабна: обилие информации сводит литературу по своей значимости к ежедневно мелькающим газетным заголовкам. Смыслы, если и присутствуют в ней, то не живут долго.

Обилие информации превращает человеческое сознание в хранилище множества обрывков. Они не несут в себе в итоге практически никакой мыслительной нагрузки. Выделяются лишь те обрывки, что необходимы для реализации желания. Подобная выборочность в реальном взаимодействии людей друг с другом приводит к трансформации бытия, к смещению гуманистических парадигм, утверждающихся филологической наукой. Разрыв с духовным миром, с процессом осмысления бытия минимизирует в псевдочеловеке элементы очеловечения. Минимизируются этико-гуманистические составляющие. Сознание производит их замену на лжелитературу, лжеценности, лжеразвитие и закономерно развивает доминанту инволюционных процессов над эволюционными.

Таким образом, сложившаяся ситуация показывает высокую значимость универсальных (разносторонних) философов в составе художественных произведений. Литература в современном мире призвана помогать личности совершенствовать свое умение мыслить и противостоять шаблонным формам культуры.

Библиографический список

1. Андреев, А. Н. Философия литературы : учебное пособие для студентов и магистрантов вузов. – Минск : БГУ, 2003. – 185 с.
2. Ерофеев, В. Москва-Петушки / В. Ерофеев // Мой очень жизненный путь ; подгот. авт. текстов В. Муравьева. – М. : Вагриус, 2003. – С. 119–218.
3. Лукинова, А. Р. Развитие представлений о «невыразимом» в творчестве А. А. Фета // Проблемы филологии: язык и литература. – 2010. – № 2. – С. 33–48.
4. Фет, А. А. Вечерние огни / А. А. Фет. – М. : Наука, 1979. – 824 с.
5. Фет, А. А. Полное собрание стихотворений / А. А. Фет. – Л., 1959. – С. 177.
6. Философия и литература: линии взаимодействия : сборник научных статей / отв. ред.: И.А. Бирич. – Вып. 1. – М. : МГПУ, 2009. – 232 с.
7. Шопенгауэр, А. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 5 : Parerga и Paralipomena: в 2 т. Т. 2 : Paralipomena / А. Шопенгауэр ; пер. с нем. ; под ред. А. А. Чанышева. – 2-е изд., испр. – М. : Республика, 2011. – 527 с.